

УДК [94+323](470.44/47)|1965/1985|

Доходы и потребление населения Нижней Волги во второй половине 1960–середине 1980-х годов

А. А. Гуменюк

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, GumenukAA@rambler.ru

В статье анализируется динамика доходов и потребления населения Нижнего Поволжья в предперестроечное двадцатилетие. Опираясь на широкую источниковую базу, автор показал воздействие на уровень жизни волжан в 1965–1985 гг. экономического и внешнеполитического факторов. Дается оценка уровня развития советского общества в середине 1980-х гг.

Ключевые слова: дефицит, доходы, калорийность, потребление, потребности, продукты, расходы, реформа, санкции, товары, экономика.

Incomes and Consumption of the Population of the Lower Volga in the Second Half of the 1960s – the mid-1980s

A. A. Gumenyuk

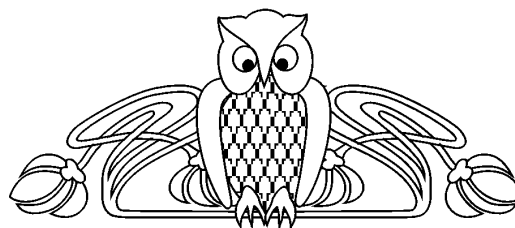
Alexey A. Gumenyuk, <https://orcid.org/0000-0001-7024-2142>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, GumenukAA@rambler.ru

The article analyzes the dynamics of income and consumption of the population of the Lower Volga region during the pre-perestroika twenty years. Based on a wide range of evidence sources, we reveal the impact of the economic and foreign policy factors on the living standards in the region in 1965–1985. In conclusion, an assessment for the development level of the Soviet society in the mid-1980s is given.

Keywords: deficit, income, calorific value, consumption, needs, products, expenses, reform, sanctions, goods, economy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-401-407>

Отражая благосостояние населения, уровень жизни характеризуется следующими основными количественными и качественными показателями: объемом реальных доходов на душу населения, уровнем и структурой потребления продовольственных и непродовольственных товаров и услуг, уровнем и динамикой цен на основные продукты питания, объемом выплат и льгот из общественных фондов потребления и т. д. Под доходом понимается сумма всех видов поступлений в денежной форме, а также поступления в форме социальной помощи, пособий, дотаций и льгот, получаемых в качестве оплаты за труд, в результате различных видов экономической деятельности или использования собственности. Доходы населения служат основным источником потребления. Их уровень и дифференциация, с

одной стороны, выступают предпосылкой различий в уровне и структуре потребления, а с другой – являются определяющим фактором регулирования потребления.

Комплексное и грамотное регулирование основных показателей уровня жизни – одно из главных условий претворения в жизнь важнейшей цели социальной стратегии Советского государства – осуществления перехода от принципа распределения по труду к принципу распределения по потребностям. На XXIII съезде (весна 1966 г.) и особенно на XXIV съезде КПСС (март 1971 г.) этот лозунг был определен главной задачей хозяйственного развития страны¹. Экономической основой реализации указанного лозунга стала хозяйственная реформа, начатая в СССР осенью 1965 г. Создаваемые в ходе претворения ее в жизнь фонды накоплений и стали стречневным финансовым источником повышения благосостояния советских людей. Средства из этих фондов направлялись на строительство жилых домов и культурно-бытовых учреждений, а также улучшение культурно-бытового обслуживания и выплату премий рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим.

Анализ опубликованных и архивных материалов о динамике среднемесячной заработной платы по основным отраслям производства в РСФСР и на Нижней Волге в 1965–1975 гг. позволяет сделать вывод, согласно которому наиболее интенсивно среднемесячная заработная плата рабочих и служащих большей части территории Нижней Волги (без Калмыцкой АССР) увеличивалась на протяжении 1965–1970 гг. За это время по основным отраслям народного хозяйства средний заработок у населения региона возрос в 1,3 раза, у рабочих сельскохозяйственных предприятий – в 1,4 раза. В целом это соответствовало общереспубликанскому уровню. Хотя в первой половине 1970-х гг. рост заработной платы как у населения РСФСР, так и Нижней Волги, несколько сократился, у жителей отдельных субъектов рассматриваемого региона, в частности Калмыцкой АССР, он был выше, чем в среднем по Советскому Союзу². В целом по СССР в 1975 г., по сравнению с 1965 г., численность населения с доходом 100 и более рублей в месяц на члена семьи выросла в 8,5 раз. Произошедшие таким образом изменения в уровне материального обеспечения населения были охарактеризованы Л. И. Брежневым как «коренный

сдвиг в уровне и образе жизни десятков миллионов людей»³. В 1985 г. доход свыше 100 руб. в месяц на члена семьи имели уже более 60 % граждан СССР⁴.

Динамика вкладов населения Нижней Волги в сберегательных кассах, представленная в статистических сборниках и материалах периодической печати, свидетельствует о том, что в постхрущевский период доходы волжан увеличивались в 1,5–4 раза. Отмеченный прирост доходов у населения рассматриваемого региона обеспечивался и за счет достаточно низкого уровня цен на коммунальные услуги, что, в свою очередь, усиливало у советских людей ощущение социальной защищенности со стороны государства. В то же время, если обратиться к анализу данных о среднем размере вклада в сберегательные кассы сельского и городского населения Нижнего Поволжья в 1965–1985 гг., отложившихся в материалах официальной статистики, то можно заметить значительную разницу в уровне денежных сбережений жителей сел и городов. Например, в Волгоградской области он составлял 1,3 раза, а в Саратовской от 1,1 до 1,2 раза. Будущее же коммунистическое общество должно было представлять собой согласно основным положениям марксистской теории такой социум, члены которого будут иметь равные возможности в удовлетворении различных потребностей. Избрав эту установку в качестве основополагающей цели социальной стратегии, руководство Советского государства на протяжении всего изучаемого периода большое внимание уделяло проблеме выравнивания уровня жизни семей с различной заработной платой.

Основным условием выполнения этой установки являлся рост национального дохода, в ходе распределения которого возникали общественные фонды потребления. Тем самым государство гарантировало в первую очередь малообеспеченным категориям населения бесплатность медицинской помощи, коммунальных услуг, образования, содержания детей в детских дошкольных учреждениях, пенсионного обеспечения, имело возможность увеличить бюджет отдельных семей за счет премий и различных социальных выплат. В среднем по региону за 1966–1980 гг. прирост выплат и льгот из общественных фондов потребления колебался от 1,1 до 1,5 раза. В целом по РСФСР только за период с 1970 г. по 1985 г. выплаты и льготы, полученные из общественных фондов потребления, выросли в расчете на душу населения в 4 раза⁵.

Несмотря на несущественные колебания, уровень денежных доходов, судя по данным о розничном товарообороте государственной и кооперативной торговли (в расчете на душу населения), позволили населению Нижней Волги увеличить к середине 1970-х гг. расходы на приобретение в государственной и кооперативной торговле товаров народного потребления и про-

дуктов питания в среднем в 1,6–2,5 раза. Одновременно сократилось число обращений избирателей в местные органы власти с просьбами об организации более широкой торговли дефицитными товарами. Так, в Саратовский облсовет в 1961 г. было подано 1,05% таких наказов, а в 1969 г. – только 0,57%. В Волгоградский областной Совет депутатов трудящихся в 1965 г. поступило 0,52% таких обращений⁶.

В изучаемый период в регионе сформировалась новая модель потребления, характеризующаяся преобладанием в структуре потребления волжан предметов культурно-бытового назначения долговременного пользования, а также таких, более калорийных продуктов, как мясо и овощи⁷. Нормой быта стали холодильник, телевизор, пылесос, стиральная машина. Например, уровень обеспечения семей рабочих Саратовской области телевизорами (из расчета на 100 семей) к началу 1970 г. превысил показатели 1 августа 1965 г. в 1,6 раза, а семей колхозников – в 4,2 раза⁸. В 1985 г. уже 90 из 100 советских семей имели телевизор⁹.

В то же время опасения повторения чехословацких событий 1968 г. не позволили так называемой «косыгинской» экономической реформе охватить весь хозяйственный организм страны, ограничив ареал ее действия лишь первичным звеном непосредственных производителей. В начале 1970-х гг., обеспечив Л. И. Брежневу упрочнение на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, эта реформа стала постепенно сворачиваться. Основной способ решения насущных социально-экономических проблем в 1970-е гг. руководство СССР видело в продаже на западных рынках советских энергоносителей (главным образом нефти) по высоким ценам. Однако вырученные таким образом огромные средства направлялись преимущественно в отрасли, не связанные с социальной сферой, а главным образом на развитие ВПК, тяжелой промышленности, территорий, где располагались богатые месторождения нефти и газа (Сибирь). Финансирование же народного хозяйства Нижней Волги осуществлялось в меньших объемах, что напрямую сказывалось на уровне жизни его населения. Например, объем капиталовложений, направленных в народное хозяйство Калмыцкой АССР, за 1966–1980 гг. был в 4 раза меньше средств, вложенных в строительство БАМа.

Предложения членов Политбюро по корректировке экономического курса с целью расширения возможностей государства по выполнению взятых на себя социальных обязательств не находили поддержки у главы государства. Поэтому отрасли, производящие предметы потребления, по меткому выражению А. А. Громыко, находились «в загоне». Стоимость неосвоенного закупленного за рубежом оборудования для предприятий группы «Б», по данным того же автора, насчитывала 16–17 млрд руб.¹⁰ Скла-

дававшаяся ситуация стала результатом нежелания руководства страны распространять имевшиеся технологические достижения в оборонных отраслях на предприятия легкой и пищевой промышленности. Имел место и обратный процесс. Например, отвергнутые в середине 1960-х гг. Госпланом СССР предложения академика В. М. Глушкова о тотальной автоматизации экономических процессов в СССР нашли применение на предприятиях военно-промышленного комплекса.

Экономика постепенно утрачивала динамизм и черты интенсификации, свойственные ей до начала 1970-х гг., приобретая ярко выраженный экстенсивный характер. Попытка повысить эффективность экономики, предпринятая в рамках реализации Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 июля 1979 г. «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качество работы»¹¹, обернулась вытеснением дешевых товаров более дорогой продукцией, которую стало выгодно производить в условиях ориентации производителей на получение нормативно чистой продукции. В результате в разряд дефицитных попало еще больше самых необходимых населению товаров¹².

Принятие ЦК КПСС и Советом Министров СССР вышеупомянутого Постановления хронологически совпало с началом нового витка гонки вооружений и принятием США и странами Западной Европы пакета экономических санкций против СССР в ответ на ввод советских войск в Афганистан. Санкции главным образом были нацелены на подрыв экономической мощи Советского Союза путем, с одной стороны, создания препятствий для советского сырьевого (прежде всего, нефтегазового) экспорта, а с другой – прекращения поставок в СССР новых технологий и современного промышленного оборудования. В результате дефицит экономических возможностей для удовлетворения постоянно возrastавших потребностей населения стал настолько очевидным, что советское руководство было вынуждено принимать на майском 1982 г. Пленуме ЦК КПСС так называемую «Продовольственную программу», представлявшую собой фактически серию чрезвычайных мер по борьбе с дефицитом основных продуктов питания в стране¹³.

Постепенное нарастание экономических трудностей и неспособность советского руководства их разрешить в последнее предперестроечное десятилетие стало основной причиной снижения уровня жизни советских людей в этот период (табл. 1)¹⁴.

Таблица 1

Соотношение роста цен и роста доходов населения Волгоградской области в 1965–1980 гг.

Период	Показатели увеличения цен	Показатели увеличения доходов населения
1965–1970	в 1,3 раза	в 1,4 раза
1971–1975	в 1,3 раза	в 1,4 раза
1975–1980	на колбасные и мясные изделия в 2 раза	в 1,1 раза

Данные табл. 1 на примере Волгоградской области иллюстрируют сокращение финансовых возможностей населения в приобретении наиболее калорийных продуктов питания. Действительно, если в 1965–1975 гг. прирост доходов населения все же превышал уровень роста цен, то во второй половине 1970-х гг. соотношение прироста цен и доходов изменилось не в пользу жителей области, вызвав недоумение и даже социальное недовольство. Закономерным последствием появления значительных трудностей в приобретении продуктов питания стало снижение уровня их потребления на душу населения. Так, в Астраханской области уже в 1975 г. меньше, чем в среднем по РСФСР, потреблялось картофеля (в два с лишним раза), яиц – на 40 %, мяса и мясопродуктов – на 30 %. От душевого потребления по СССР этот субъект РСФСР в середине 1970-х гг. отставал по потреблению мяса – в 1,4 раза, яиц – в 1,5 раза¹⁵. Даже высшее партийное руководство страны в октябре 1984 г. констатировало факт сохранения остроты «...в снабжении населения многих городов продуктами питания, и прежде всего, мясом ...»¹⁶.

Не способствовала повышению уровня обеспечения горожан продуктами питания и начавшаяся в феврале 1985 г. кампания по упорядочению дачного строительства.

Предприятия группы «Б», хотя и выполняли плановые задания, это не приводило к исчезновению дефицита: ассортимент производимой продукции по своим качественным характеристикам был мало или практически невостребованным населением. Городские жители региона, в частности Саратова, выражали недовольство и разницей в продовольственном обеспечении с населением г. Москвы, в особенности в отношении мяса и овощей¹⁷. Документальные материалы по Нижнему Поволжью, датированные 1983–1984 гг., содержат ряд свидетельств неудовлетворительного обеспечения также сельского населения и жителей рабочих поселков керосином, молочной, овощной продукцией¹⁸.

Потребность в дефицитных товарах и продуктах жители региона вынуждены были удовлетворять посредством мелкого воровства «социалистической собственности» с различных предприятий, откручивая и выкручивая, в част-

ности, барашки с кранов и лампочки из бытовок. Например, если во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг. количество случаев мелких хищений в Саратовской области возросло всего в 1,2–1,3 раза, то только за 1979–1980 гг. – уже 2,7 раза¹⁹. На степень обеспеченности населения дефицитными товарами и продуктами влиял и субъективный фактор, выражавшийся в способности руководителей промышленных предприятий обеспечить ими трудовые коллективы. В частности, директор саратовского завода «Серп и молот» в своих воспоминаниях упоминает о том, что директора магазинов под воздействием его уговоров соглашались продавать «дефицит» в обмен на услуги завода по ремонту помещений и предоставление автотранспорта²⁰.

Взросший уровень дефицита потребительских товаров придал новый импульс развитию подпольного производства, существовавшего на протяжении всего советского периода отечественной истории. Например, руководителями ряда предприятий сферы быта Саратовской области и рядовыми сотрудниками этих организаций, а фактически полуподпольными предпринимателями или «цеховиками» в начале 1980-х гг. под видом освоения новых видов бытовых услуг создавались подпольные цеха по выпуску товаров широкого потребления. Эта продукция сбывалась через систему колхозной торговли в Марксовском, Самойловском, Саратовском районах, городах Балаково, Калининск, Саратов²¹.

Компенсируя недостаток важных для населения товаров и услуг, подпольный или теневой сектор экономики выступал в качестве социального амортизатора, заполняя ниши, в которых не могла эффективно работать государственная экономика. К середине 1980-х гг. доля этого сектора составляла не менее 20–25% от всей экономики СССР²², а доходы «теневиков» в 8–10 раз превышали официальный среднестатистический уровень²³. Уже с начала 1970-х гг. стала распространяться практика назначения на руководящие посты в органы власти «...не специалистов, а людей, умеющих взять да близким дать...»²⁴. Следовательно, некоторые виды теневой экономической деятельности в неофициальном порядке поддерживались государством, поскольку не только не противоречили, а способствовали претворению в жизнь стратегической цели социального развития СССР – удовлетворению разносторонних потребностей населения.

Своеобразными «оазисами благополучия» в условиях повсеместного дефицита выступали закрытые административно-территориальные образования (ЗАО), создание которых осуществлялось в рамках реализации начатой сразу после завершения Великой Отечественной войны атомной программы СССР. Проживавшее там население обеспечивалось продуктами и товарами посредством централизованных поставок, осуществляемых Министерством обороны. В

ходе интервьюирования бывший офицер, прослуживший на полигоне Капустин Яр-1 (северо-западная часть Астраханской области) 11 лет (1971–1982 гг.), отметил факт постоянного наличия в торговой сети различных видов мясной (говядина, свинина, мясо птицы), колбасной (два сорта вареной и полукопченая) продукции, консервов, тушенки, польских овощей (яблоки и груши), венгерских и болгарских сухих и полусухих вин. Все это жители данного ЗАТО имели возможность приобрести в любое время без каких-либо очередей и ограничений. Однако особый режим торгового обслуживания просуществовал в этом ЗАТО только до 1973 г., после чего его население потеряло прежде существовавшие преимущества в торговом и продуктовом обеспечении.

Другим «каналом» получения качественных дефицитных предметов потребления выступали колхозные рынки, где практически всегда наблюдалось их изобилие. Именно так, например, во второй половине 1970-х гг. отоваривалось население Саратова париками, краской для волос, астраханской рыбой, огурцами. В начале этого десятилетия многие так называемые «спекулянты» из г. Волгограда ездили «за товаром» в Саратов²⁵. Однако уровень доходов большинства простых советских людей и, в частности, волжан не всегда позволял приобретать государственные товары в несколько раз дороже государственных. Например, письма, адресованные во второй половине 1970-х гг. городским населением Саратовской и Волгоградской областей в редакции центральных газет, содержали факты недовольства высокими ценами на колхозных рынках на продукты и товары на фоне их отсутствия в государственной торговой сети²⁶. Простые обыватели могли воспользоваться услугами рыночной торговли лишь в случае получения так называемых «нетрудовых» доходов, что было несчастным явлением в силу постоянно усиливавшейся борьбы государства с частнопредпринимательской деятельностью советских людей. Именно этим во многом можно объяснить обращения населения региона к властям с предложениями о введении талонов и карточек на наиболее дефицитные продукты и организации снабжения ими по месту работы²⁷. Колхозные же рынки с «царившим» там относительным изобилием выступали своеобразным «оазисом коммунизма», доступным лишь наиболее состоятельной части советского общества (в конце 1980-х гг. в СССР к категории богатых семей, по оценкам социологов, относилось 2,3% семей²⁸).

На ряде предприятий региона практиковалось дифференцированное распределение дефицитной продукции, в частности, на фабрике им. К. Цеткин в г. Красноармейске Саратовской области²⁹. Возникавшее вследствие этого неравенство в доступности к остро дефицитным товарам различных категорий работников вынуждало

обделенных в этом плане трудящихся обращаться к услугам так называемых «спекулянтов». Однако контакты с этими «дельцами черного рынка» часто оборачивались плачевно для доверчивых советских тружеников. Документальные материалы Нижнего Поволжья содержат ряд свидетельств обмана так называемыми «предпринимателями» своих клиентов: им либо предоставлялись бракованные изделия, либо фарцовщики «исчезали» после получения необходимых сумм до предоставления обещанного ранее товара³⁰. Поэтому далеко не каждый житель Нижней Волги обращался к услугам «черного рынка», рассчитывая на свои личные денежные накопления, хранившиеся в государственных сберегательных кассах. Например, средний размер денежного вклада населения Астраханской области только за 1980–1985 гг. возрос в 1,2 раза и составил к концу 1985 г. 1233 руб.³¹

Людам казалось, что эти средства помогут им решить проблемы своих семей в будущем. В то же время еще более усугубившийся в начале 1980-х гг. разрыв между темпами прироста денежных доходов населения и темпами роста розничного товарооборота превращал эти надежды людей практически в несбыточную мечту. Например, в 1983 г. из каждых 100 руб., выданных государственным банком жителям Октябрьского района Саратова, ими обратно возвращалось 86 руб. 30 коп.³². В то же время население находило в явлении дефицита и позитивные моменты. Не имея возможности удовлетворить свои потребительские ожидания и приобрести необходимое, советские люди получали удовлетворение от обсуждения путей добывания товаров и продуктов. Это явилось неким компенсатором скудности материально-товарной базы. Если человеку все-таки удавалось что-либо достать, то он испытывал естественную и искреннюю радость. Даже безуспешная охота за товаром была экзистенциально полноценна³³.

Наличие «свободных денег» свидетельствовало о росте «товарного дефицита, постепенно превращавшегося в острейшую социально-психологическую проблему. Наглядной иллюстрацией этой тенденции служат жалобы населения региона на перебой в торговле теми или иными продуктами и товарами. Например, один из жителей станции Филевская Волгоградской области, направив в феврале 1983 г. в ЦК КПСС письмо с жалобой на дефицит соли в торговой сети области, отмечал: «Дошло до того, что воспитанники детского дома ходят по домам, выпрашивая щепотку соли ... эти недостатки сказываются на результатах нашего труда, на настроении»³⁴. В целом, по сравнению с периодом VIII пятилетки, отмеченной значительными успехами в реализации социальной политики в СССР, количество жалоб населения одной только Саратовской области относительно дефицита тех или иных продуктов и товаров к 1985 г. возросло в 2,9 раза.

В то же время недовольство уровнем потребления высказывали не все категории советских людей. Главным образом, такие настроения исходили от тех, кто родились в 1950 г. и более поздние годы. Доля поколений, знавших о повседневных трудностях довоенных, военных и первых послевоенных лет только из рассказов родственников, книг и средств массовой информации, с 1959 г. по 1979 г. в целом по РСФСР выросла в 2 раза. В конце 1970–начале 1980-х гг. в возрастной структуре российского общества удельный вес молодежных групп в возрасте до 30 лет, т. е. родившихся в 1950–начале 1970-х гг., составлял 48,9 %, что было весьма значительным³⁵. В результате представления в советском обществе о критериях материального достатка, комфорте, уюте существенно изменились. Если людей, переживших социальные потрясения 1930–1940-х гг., существовавший в стране в конце 1970–начале 1980-х гг. уровень обеспечения населения предметами потребления во многом устраивал³⁶, то стремления последнего советского поколения (в большинстве своем комсомольцев) к красивой и модной жизни западноевропейского образца советская экономика удовлетворить уже была не способна.

Хотя по уровню экономического развития СССР к 1985 г. был среднеразвитой страной и по количеству производимой продукции на душу населения во многом не уступал даже США (в 1981–1985 гг. СССР производил на 80 кг больше молока, чем Америка; показатели производства яиц на душу населения в СССР и США за эти годы почти сравнялись)³⁷, но по качественным характеристикам и привлекательности советские товары и продукты значительно отставали от западноевропейских аналогов. Такое несоответствие количественных и качественных критериев также выступало одной из причин психологической напряженности в советском обществе, которое по различным каналам (через телевидение, за счет автомобилизации населения, в ходе заграничных туристических поездок и посещения санаториев и домов отдыха в странах Восточной Европы) получало больше информации не только о своей стране, но и о реальной жизни за рубежом.

Формирование новых стандартов потребления явилось также следствием масштабного процесса урбанизации. В результате социальная структура советского общества все больше приобретала городской характер, о чем свидетельствуют и данные по Нижней Волге (табл. 2)³⁸.

Из анализа данных табл. 2 следует, что в среднем по Нижнему Поволжью за 20 лет численность сельского населения (за исключением Калмыкии) уменьшилась в 1,2 раза. Количество же жителей городов возросло в 1,5 раза, что было несколько выше общероссийских показателей (в 1,4 раза). Наиболее высокий прирост горожан

Таблица 2

Численность городского и сельского населения Нижнего Поволжья в 1965–1985 гг., тыс. чел.

Регион	На 1 января 1966 г.		На 1 января 1986 г.	
	городское население	сельское население	городское население	сельское население
Астраханская область	462	339	682	301
Волгоградская область	1336	827	1885	662
Саратовская область	1425	961	1970	658
Калмыцкая АССР	78	163	136	189
Поволжский экономический район	9315	8354	14012	5885
РСФСР	75069	51492	105268	38812

отмечался в Калмыцкой АССР (в 1,7 раза), что превышало общие показатели по Поволжскому экономическому району (в 1,5 раза). Если в 1959 г. в советских городах было сосредоточено 56,3 % всего населения трудоспособного возраста, то в 1979 г. – уже 72,5 %³⁹.

Именно города стали теми населенными пунктами, где на рубеже 1960–1970-х гг. зародилась так называемая «потребительская революция». Одной из характерных особенностей этого процесса было и явление «вещизма», получившее широкое распространение среди молодых людей в возрасте от 16 до 21 года на рубеже 1970–1980-х гг. и выразившееся в тяге «...к модным заграничным тряпкам, к пластинкам, этикеткам, дорогостоящим украшениям»⁴⁰. Тем самым советские люди демонстрировали стремление к индивидуализации потребления, руководствуясь не столько элементарными потребностями, сколько своими представлениями об образе жизни, об удобстве и красоте.

Однако надежды населения на перемены к лучшему в своей жизни в большинстве случаев не оправдывались. Постоянные очереди за дефицитными товарами все больше и больше раздражали население, «...что не способствовало популярности ЦК и правительства»⁴¹. Усилению социально-психологического кризиса в стране, несмотря на официальный тезис об усилении социальной однородности, благоприятствовал и рост социальной дифференциации в качестве и уровне жизни различных слоев населения, ранее компенсируемый выплатами средств малоимущим категориям граждан из фондов общественного потребления. Например, только в Саратовской области выплаты из указанных фондов снизились с 25,2 % в 1976–1980 гг. до 18 % в 1981–1983 гг.⁴² Постепенное их сокращение как следствие утраты в течение 1976–1985 гг. экономикой страны динамизма делало более заметным для подавляющей массы трудящихся привилегии, которыми пользовалась партийная и советская элита страны. В целом по Союзу к концу рассматриваемого периода доходы верхнего слоя, составлявшего около 2 % населения, в 20–25 раз превосходили заработки низших слоев⁴³. Все это раздражало людей, закладывая основы для недовольства социализмом в целом.

Таким образом, проведенный анализ динамики доходов и расходов населения Нижнего Поволжья, являющейся важнейшим критерием изменений уровня жизни, доказывает, что к середине 1980-х гг. так и не удалось создать экономическую базу для возникновения общества всеобщего достатка. Ю. В. Андропов был вынужден признать, что страна к этому времени находилась фактически в начале пути строительства такого общества и для достижения конечной цели ей предстояло преодолеть еще не один этап⁴⁴. Выступая на июньском 1983 г. Пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко конкретизировал, что советское общество «... вступило в исторический длительный этап развитого социализма ...»⁴⁵. Поэтому вместо так называемого «развитого социализма» СССР к началу «перестройки» оказалась на стадии раннего или простого социализма. Употребленный в одной из частных бесед Андроповым⁴⁶, этот термин очень емко характеризует общество, уровень развития производительных сил которого был не способен обеспечить условия для постоянного роста благосостояния советских людей.

Примечания

- 1 См.: XXIII съезд КПСС (29 марта – 8 апреля 1966 г.) : стенографический отчет : в 2 т. Т. I. М., 1966. С. 343 ; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 41–42.
- 2 См.: Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. Р-13. Оп. 4. Д. 623. Л. 316.
- 3 См.: XXV съезд КПСС (24 февраля – 5 марта 1976 г.) : стенографический отчет : в 3 т. Т. I. М., 1976. С. 60.
- 4 См.: *Вдовин А. И.* СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М., 2018. С. 570.
- 5 Подсчитано по данным : Народное хозяйство Калмыцкой АССР за годы XI пятилетки (1981–1985) : стат. сборник. Элиста, 1986. С. 163.
- 6 Подсчитано по данным : Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1068. Оп. 8. Д. 139 ; Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-2115. Оп. 6. Д. 2026.
- 7 См., например: Народное хозяйство Астраханской области в девятой пятилетке : стат. сборник. Волгоград, 1976. С. 138.

- ⁸ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6164. Оп. 8. Д. 344. Л. 187.
- ⁹ См.: *Вдовин А. И.* Указ. соч. С. 573.
- ¹⁰ См.: *Громыко А. А.* Памятное. Испытанное временем : в 2 т. Т. 2. М., 2016. С. 538–539.
- ¹¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. : в 15 т. Т. 13. 1976–1980. С. 353–396.
- ¹² См.: *Шубин А. В.* Золотая осень или Период застоя. М., 2008. С. 128.
- ¹³ См.: Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и о мерах по ее реализации : материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 г. М., 1984. С. 5, 8–10.
- ¹⁴ См.: Народное хозяйство Волгоградской области в 1966–1971 гг. : стат. сборник. Саратов, 1973. С. 281 ; Народное хозяйство Волгоградской области в 1971–1975 гг. : стат. сборник. Волгоград, 1976. С. 160 ; Волгоградская правда. 1971. 13 февр. Л. 3 ; Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 98. Д. 1. Л. 30 ; Оп. 110. Д. 3. Л. 34 ; Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 75. Д. 260. Л. 17.
- ¹⁵ См.: Основные направления развития производительных сил Астраханской области на период до 1990 года : научный доклад. М., 1978. С. 172.
- ¹⁶ Материалы Пленума Центрального комитета КПСС, 23 октября 1984 г. М., 1984. С. 7.
- ¹⁷ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1155. Л. 40.
- ¹⁸ См.: Государственный архив современной документации Астраханской области (далее – ГАСДАО). Ф. 325. Оп. 125. Д. 75. Л. 42 ; Молодой ленинец. 1983. 22 нояб. Л. 1.
- ¹⁹ Подсчитано по данным : ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 25. Д. 158. Л. 187 ; Ф. 6164. Оп. 1. Д. 19. Л. 20 ; Коммунист. 1975. 30 янв. Л. 3.
- ²⁰ См.: *Горчаков А. Н.* Заводы и время (1958–1995). Воспоминания бывшего директора саратовского завода «Серп и Молот». Саратов, 2005. С. 198.
- ²¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 25. Д. 213. Л. 29–30.
- ²² См.: *Медведев Р.* Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010. С. 53.
- ²³ См.: *Ванюков Д. А.* Эпоха застоя. М., 2008. С. 43.
- ²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 275. Л. 106.
- ²⁵ См.: Коммунист. 1977. 21 апр. Л. 3 ; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 290. Л. 56.
- ²⁶ См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1155. Л. 36, 40 ; Оп. 75. Д. 258. Л. 34.
- ²⁷ См.: РГАНИ. Оп. 75. Д. 247. Л. 12 ; Д. 258. Л. 20 ; ГАНИСО. Ф. 341. Оп. 27. Д. 14. Л. 12 ; Ф. 6189. Оп. 1. Д. 464. Л. 98.
- ²⁸ См.: *Синявский А. С.* Урбанизация России в XX веке : Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 238.
- ²⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 6190. Оп. 3. Д. 630. Л. 142.
- ³⁰ См., например: Коммунист. 1974. 6 мая. Л. 4.
- ³¹ См.: Основные показатели развития народного хозяйства Астраханской области за 1986 год : Кратк. стат. сб. Астрахань, 1987. С. 29.
- ³² См.: ГАНИСО. Ф. 81. Оп. 66. Д. 34. Л. 17.
- ³³ См.: *Кустарев А.* Золотые 1970-е – ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас. 2007. № 2. С. 11.
- ³⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 84. Л. 2–3.
- ³⁵ Подсчитано по данным : Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. Т. 3, кн. 1. М., 2005. С. 266, 268 ; Т. 3, кн. 2. М., 2011. С. 25, 27.
- ³⁶ См., например: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 32. Д. 140. Л. 85 об. ; Заря молодежи. 1982. 20 июля. Л. 2.
- ³⁷ См.: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 117–118.
- ³⁸ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966. С. 12–13 ; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986. С. 6–8.
- ³⁹ См.: *Синявский А. С.* Указ. соч. С. 150.
- ⁴⁰ ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 110. Д. 3. Л. 126, 127.
- ⁴¹ *Горчаков А. Н.* Указ. соч. С. 269.
- ⁴² См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 1. Л. 140 ; Коммунист. 1981. 17 янв.
- ⁴³ См.: *Вдовин А. И.* Указ. соч. С. 568.
- ⁴⁴ См.: *Андропов Ю. В.* Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс. Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 432.
- ⁴⁵ Пленум Центрального Комитета КПСС. 14–15 июня 1983 года. Стенографический отчет. М., 1983. С. 9.
- ⁴⁶ См.: *Корниенко Г. М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001. С. 323.

Образец для цитирования:

Гуменюк А. А. Доходы и потребление населения Нижней Волги во второй половине 1960–середине 1980-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 401–407. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-401-407>

Cite this article as:

Gumenyuk A. A. Incomes and Consumption of the Population of the Lower Volga in the Second Half of the 1960s – the mid-1980s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 401–407 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-401-407>